

Когда глава зала Му наконец ушёл, Сяо Хань, устроившийся на плече Лю Муханя, тихонько спросил:

— Брат, а тот человек... он был плохой? Я молчал, как ты и велел.

Лю Мухань ласково похлопал найдёныша по спине.

— Умница, всё сделал правильно. А насчёт него... Знаешь, я и сам не уверен, добрый он или злой. Люди вообще штука сложная, сразу и не разберёшься.

Мальчик крепче обхватил его за шею.

— Тогда давай спать. Утром проснёмся — и всё наладится.

Лю Мухань улыбнулся.

— Конечно. Утро вечера мудренее.

Прижимая к себе кроху, он дошёл до дровяного сарая. Из приоткрывшейся двери навстречу им пахло благовониями.

— Как вкусно пахнет, — прошептал Сяо Хань.

— Да, славный аромат. В этом трактире очень добрые люди — и хозяин, и слуга, — с улыбкой отозвался Лю Мухань, бережно опуская мальчика на постель. — Ты пока полежи, отдохни, а я пойду раздобуду какую-нибудь кадку и тёплой воды. Пора бы тебе искупаться, согласен?

Он присел перед постелью на корточки, заглядывая в лицо ребёнку. Если Сяо Хань захочет, он сразу же принесёт воду, а если нет — ничего страшного, одну ночь можно и так перетерпеть.

Дело было вовсе не в лени. Лю Мухань слишком хорошо помнил, в каком состоянии нашёл найдёныша прошлой ночью. Совсем кроха, завернутый в рваную циновку, брошенный у дороги... Его ведь едва не закопали заживо. Когда Лю Мухань вытащил его, малыш весь был покрыт грязью и дорожной пылью.

Пусть сейчас ребёнок пришёл в себя и казался вполне обычным, Лю Мухань не мог забыть, каким мертвенно-бледным было его личико всего несколько часов назад — казалось, дыхание вот-вот оборвётся насовсем. Раз уж они решили держаться друг друга, Лю Мухань твёрдо решил во всём считаться с желаниями своего маленького спутника.

Сяо Хань протянул руку и сразу же коснулся Лю Муханя, сидевшего перед ним на корточках.

Он ничего не видел, но чутко улавливал каждое движение. Тот, другой, опустился перед ним, чтобы говорить на равных, не возвышаясь над незрячим ребёнком. Последние капли тревоги растаяли в груди Сяо Ханя, и он серьёзно кивнул:

— Хочу. Сяо Хань хочет помыться.

Глядя на его уморительно торжественный вид, Лю Мухань не удержался от смешка.

— Вот и славно. Тогда сиди тихонько и никуда не уходи, а я мигом принесу воду.

Малыш послушно ухватился за край одеяла. Лю Мухань ласково погладил его по ладони, поднялся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В дорогих покоях трактира «Как пожелаешь» постояльцам полагались глубокие бадьи для купания, но в дровяном чулане ничего подобного, разумеется, не держали. Лю Мухань принялся бродить по переходам, старательно обходя богато украшенные залы и коридоры. Хозяин и так проявил редкое великодушие, пустив их на ночлег, и навлекать на себя недовольство благородных господ не хотелось. К счастью, ему нужна была самая простая, пусть даже старая лохань, а ненужную утварь обычно сваливали подальше от глаз постояльцев, в самых глухих закоулках.

Вскоре он набрёл на тёмную кладовую, заставленную всевозможным хламом. Оглядевшись, он заметил штабель кадучек и, что гораздо важнее, небольшую деревянную бадейку.

Обрадованный находкой, Лю Мухань подошёл к дремавшему у входа старику.

— Дедушка!

Тот медленно поднял голову, приставил ладонь к уху и, подслеповато щурясь, прошамкал:

— Ась? Чего надоть?

Похоже, старый сторож был глуховат да и видел неважно. Лю Мухань не растерялся. Он присел перед ним, чтобы старик мог разобрать движения его губ, и заговорил громче:

— Дедушка, я там кадучку приметил. Можно мне её одолжить ненадолго? Мы в дровянике устроились, как надобность отпадёт — сразу же верну на место!

Тот лишь पुще прежнего наморщил лоб:

— А? Обухом по лбу? Какого коня?

— Да нет же, ушат! Кадку! — Лю Мухань принялся усердно описывать руками круг, а затем ткнул пальцем в глубь кладовой. — Лохань вон ту! Можно её взять?

— А-а-а, ушат... — наконец сообразил старик и махнул сухой ладонью: — Тащи, тащи, не жалко.

Лю Мухань просиял и подпрыгнул от радости:

— Спасибо тебе, дедушка!

Он шмыгнул в полутёмную каморку и выкатил оттуда облюбованную посудину. Назвать её ушатом было сложно — скорее, широкая деревянная лохань с высокими бортами. Для двоих детей она подходила куда лучше огромной бадьи: таскать её было проще, да и воды требовалось меньше. Вытесанная из добротного дерева кадка весила немало — фунтов десять, не меньше. Однако Лю Мухань без особого труда поднял её и, приноравливаясь, взвалил прямо на плечо.

Проходя мимо старика, он вежливо кивнул:

— Ещё раз спасибо, дедушка! Мы тут на пару дней задержимся, как соберёмся уходить — я всё верну в лучшем виде.

— Пользуйся, малец, пользуйся... — безучастно пробормотал старик. Он поглядел на мальчика слезящимися глазами, а затем снова ссутулился, привалившись спиной к стене, и погрузился в свою глухую дрёму.

«Какой славный старик», — подумал Лю Мухань, решив перед уходом обязательно отблагодарить его чем-нибудь полезным.

Лохань оказалась на удивление чистой, но Лю Мухань всё же оставил её у порога дровяника. Предупредив Сяо Ханя, что скоро вернётся, он поспешил на кухню за водой.

Расход воды в таком крупном заведении всегда был огромным, а сейчас, когда все комнаты были забиты постояльцами, съехавшимися на ярмарку в Город Каменного спокойствия, здешние колодцы и печи работали на пределе возможностей.

Заглянув на кухню, Лю Мухань застал яростный спор между поварами: они никак не могли решить, затапливать ли печь под огромным котлом ещё раз. С одной стороны, горячая вода подходила к концу, с другой — если нагреть лишнего, дрова пропадут зря. А запасы сушняка на растопку и без того иссякали.

Немного помешкав, мальчик робко заглянул в открытые двери:

— Простите... Не найдётся ли у вас немного горячей воды?

Один из кухонных слуг обернулся и с ног до головы оглядел незваного гостя.

— А ты из каких постояльцев будешь?

Трактир «Как пожелаешь» считался лучшим в городе, и здешняя публика привыкла к шёлкам да парче. Лю Мухань же в своей холщовой одежке, пестревшей грубыми заплатами, походил скорее на уличного побирушку. Впрочем, слуга спросил без злобы — скорее из чистого любопытства. Он не стал кричать или выставлять мальчика за дверь, а лишь ждал ответа.

Смутившись, Лю Мухань поскрёб затылок:

— Хозяин вашего трактира — очень добрый человек. Он узнал, что у меня нет денег, и разрешил нам переночевать в дровянике.

— А-а, вон оно что, — понятиливо кивнул один из поварят. — Ладно, горячая вода найдётся. Только в чулане ведь окромя умывальника ничего нет. Мыться, что ли, собрался? Тебе ж кадка нужна.

— Не нужно, спасибо, — торопливо замахал руками мальчик. — Я у дедушки в кладовой выпросил старую лохань. Как будем уходить, сразу верну.

— Из кладовой? — поварёнок озадаченно нахмурился, но стоящий рядом товарищ толкнул его локтем в бок. — А-а, у старого Цао... Ну ладно. Главное, принеси обратно. Так сколько тебе налить?

Лю Мухань несмело протянул два пальца, подумал секунду и один пригнул наполовину:

— Полтора ведра хватило бы. Одно холодной воды и половинку горячей. Можно?

Сам-то он преспокойно облился бы и колодезной водой, но для Сяо Ханя требовалось приготовить тёплую купель. Первой порцией холодной воды он планировал хорошенько вымыть саму лохань, а оставшуюся часть смешать с кипятком. Как раз получилось бы в самый раз.

Кухонный работник смекнул, что малец подслушал их спор о нехватке дров, и дружелюбно усмехнулся:

— Да бери целое ведро горячей, чего уж там. А холодную прямо из колодца во дворе черпай, её там сколько угодно. Если тяжело будет таскать — кликни нас, поможем донести.

С этими словами он кликнул помощника, и тот споро набрал ведро чистой колодезной воды.

— Дровяник тут в двух шагах, — прибавил поварёнок. — Старая лохань наверняка пылилась сто лет, так что сначала вымой её хорошенько, а потом приходи за кипятком. Справишься один-то? Может, подсобить?

Лю Мухань и без того был благодарен до глубины души, так что обременять добрых людей лишней заботой не собирался. Он поспешно закивал, заверяя, что управится сам. Подхватив ведро, он бодро направился к выходу.

Поначалу он ухватился за дужку обеими руками, но быстро понял, что так идти неудобно, и перехватил ведро одной рукой. Из-за малого роста ему приходилось высоко поднимать плечо, чтобы дно ведра не цепляло землю, но силушки мальчику было не занимать — он шёл ходко и свободно, словно ноша ничего не весила.

Провожая его взглядами, кухонные мужики так и ахнули.

— Видал? Кроха совсем, а силища-то какова! Нам и то с полным ведром наперевес ковылять приходится, а этот бежит — и не поморщится.

— Беднота... — вздохнул старший повар, помешивая варево в чане. — В деревнях такие недоростки вовсю в горы за хворостом ходят да плуг таскают. Погляди на его обноски — наголодался, небось, сердешный.

— И то правда. Да и хозяин наш — святая душа. Дровяник-то давно уже не для дров держит, мы оттуда ни щепки брать не смеем. Всё для того, чтобы убогим да гордым приют дать и чести их не уязвить.

— Да много ли с того хвороста проку? — фыркнул помощник. — Тонкие ветки, прогорят за один раз. В нашем заведении такие запасы и за полчаса улетели бы.

— Твоя правда. Кто ж станет хорошие дубовые поленья там гноить.

Тем временем Лю Мухань тщательно выдраил внутренние стенки лохани прямо на улице. Снаружи отмывать не стал — некогда было возиться, да и грязь там была вековая, купанию не мешает. Закончив с чисткой, он затащил лохань внутрь дровяника и вылил туда остатки чистой прохладной воды.

— Сяо Хань, вода пока холодная. Посиди немножко, я сейчас принесу кипяток.

— Хорошо, брат.

Мальчик обернулся ещё несколько раз: притащил ведро дымящегося кипятка, следом — ещё колодезной воды. Вскоре ушат наполнился почти до краёв приятной, ласкающей кожу тёплой водой.

Собрался было возвращать пустые вёдра на кухню, но тут взгляд его упал на стоявшую во дворе двухколёсную телегу. Лю Мухань замялся, поставил ведро на землю и подошёл к ней. Сделав вид, будто шарит под телегой, он незаметно вытащил из своего пространственного хранилища увесистую, аккуратно перевязанную охапку отличных сухих дров.

Ещё живя на горной вершине, он понимал, что рано или поздно ему придётся спуститься в мир. Готовясь к странствиям, он забил своё пространственное хранилище всякой всячиной, в том числе и отборным сушняком для костров. Думал, пригодится коротать ночи под открытым небом в глуши, но не ожидал, что пустит дрова в ход в городском трактире.

Подхватив охапку поленьев вместе с пустыми вёдрами, он вернулся к кухне. Лезть внутрь и мешать вечно занятой прислуге не стал — просто аккуратно сложил всё у порога на самом видном месте.

Вернувшись в каморку, Лю Мухань принялся бережно раздевать Сяо Ханя. Одежонка мальчонки была ещё хуже его собственной: вся в лохмотьях, заскорузлая от запёкшейся крови и дорожной грязи.

— Сейчас отмоешься, и я дам тебе свою сменную рубаху, ладно? — тихо проговорил Лю Мухань, помогая ему высвободить руки из рваных рукавов. — А завтра мы пойдём на рынок и выберем тебе самый красивый новый наряд.

Сяо Хань послушно кивнул, полностью доверяясь тёплым рукам своего спасителя:

— Хорошо, брат.

<http://bllate.org/book/18166/1751763>